

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СОЧИНЕНИЯ

© Глеб Арсеньев

Виктории Красных

Поля
и дорога меж ними
путаница пыли и травы
перелесков ломаные нимбы
жары нарыв
душа взаправду побирается?
судьба ушла на богомолье?
россыпью
у горизонта
в подсветке померанцевой
дрозды и молнии
расклеывают зерна
сыпного срока
нищоброду незасорно
объедки подбирать
авось и доживет
до предпоследнего
с привкусом аниса
полунамека.

08 сентября 2001 г.

Дмитрию Гудкову

Дети земли

Кандидат биологических наук Рамзес Иванович Кряжев очень любил кошек. «Кошки, — говаривал он, — это мое пристрастие».

Был Рамзес Иванович вида бармалеистого: непрореженная борода, глазки свиные, губы сочные. Женщины его не любили, вернее, до любви дело не доходило: они сразу же шарахались, увидев Рамзеса Ивановича.

Анатолий Петрович Сикофант, ныне пенсионер, а прежде учитель немецкого языка в средней школе, заходивший между 16 и 25 каждого месяца на почту за деньгами, всякий раз возвращался оттуда затуманенным. «И откуда нанесло на меня это ОРЗ? — недоумевал он по поводу своей фамилии. — Она, конечно, соски не просит, но все время вздрагиваешь и оглядываешься.»

На почте и познакомился Анатолий Петрович с Рамзесом Ивановичем. Рамзес Иванович старался хоть с одного конца разорвать четырехугольник пеньковой веревки, опоясывающий бандероль, но это ему плохо удавалось. Анатолий Петрович предложил свой перочинный нож. Рамзес Иванович взял, резанул где-то справа, рванул, как коренные зубы, сургучные печати по бокам и на оборотной стороне бандероли, разодрал коричневый, в белой сыпи засохшего клея, треугольник сгиба. Мелькнул глянцево-переплет и кошачья морда в цвете.

«Эх, хороша,» — сказал Рамзес Иванович, адресуясь то ли к кошке, то ли к книге.

Из почты Рамзес Иванович и Анатолий Петрович вышли вместе. Непонятно почему, но вместе уселись на скамейке в сквере перед почтой и стали разглядывать иллюстрации.

«Это мне друг достал, — сказал Рамзес Иванович. — Ездил в командировку, купил и вот прислал.»

«Друг-то не московский, что ли?» — спросил Анатолий Петрович.

«Московский. Неподалеку живет,» — признал Рамзес Иванович.

«А чего же сами за книгой не зашли?» — удивился Анатолий Петрович.

«Да не по мне быть гостем. Хозяева маются, и я маюсь. От духоты и неразговорчивости. Я тишину люблю. Сквозняки. Чтобы занавеска плескалась на окне. И пахла дождем пыль.»

«А кошки?»

«Для души. Я с ними беседую молча. Как с этими иллюстрациями.»

Анатолий Петрович еще раз перелистал книгу: серые и буланые, домашних и дикие, абиссинские, ангорские, сиамские и бог весть еще какие. Фейерверк оттенков. Карнавал поз и движений.

«А в шахматы не играет?» – спросил Анатолий Петрович.

Рамзес Иванович задумался.

«Пожалуй, что нет. Не получается. Возьмусь за коня и думаю: и что он так скособоченно, буквой «г», скачет? И почему кони – лишь белые и черные? А где же других мастей? И почему играют именно ими, а не собаками или мышами? А? Лучше уж скачки: тоже шахматы, но живые. А над ними облака. И там тоже ипподромы. И откуда-то запах высыхающей краски... Вы заметили? Наши шахматные чемпионы похожи на дистиллированную воду: встряхиваешь, взбалтываешь – и хоть бы она зацвела.»

«Ну зачем так резко! – упрекнул Анатолий Петрович. – Говорят, для этой игры нужны особые способности... Да и ваши скачки – тоже игра и для зрителей, и для жокеев.»

«Нет, – возразил Рамзес Иванович. – Две игры – и две большие разницы. Играющие в шахматы погоняют самих себя, лошади же бегут по своей охоте, разноцветные жокеи – лишь придаток, хотя им и кажется, что именно в их руках поводья бега. Жокеи – нарост, случайность, тщеславное доказательство стремления казаться, а не быть.»

«Вы, Рамзес Иванович, – тяжелый человек. Если вы так и в семье...»

«У меня нет семьи, – перебил собеседника Рамзес Иванович. – Кошки вот есть. Две. Непородистые, подзаборные. Сами меня нашли. Сначала одна замыкала у двери, потом другая. Я их по очереди и впустил. И стало нас четверо: я, кошки и телевизор. Правда, смотрю его мало. Не люблю торопливого многословия. И подсахаренных проповедников и проповедниц, глядящих в пустоту. И программную смену блюд, в которых недoves не очень-то старательно залит перестоявшимся и подгоревшим соусом.»

«Да-а-а, – протянул Анатолий Петрович. – Слушаю вас и думаю: правильно сделали, что не женились. В вас и доли нет циркумфлексности, как сказали бы мои прежние коллеги. А в семейной жизни известная легкость не мешает, в ней годится не всякое лыко в строку.»

«Не думайте, что со мной трудно поладить, – возразил Рамзес Иванович. – С кошками я же лажу. И на работе никто косо не глядит. Я – неплохой этолог. Так даже начальство считает. Если уж хотите, я сладострастен, как старик Карамазов. Мне отвращает перенасыщенность мелочей, их выпадающие кристаллы, метки которых – маникюр и губ-

ная помада. Я видел, как полупьяные кристаллы с намарафеченными гранями столкнулись в Саратове: трое на троих, в ход шли кулаки, ногти и каблуки сапожек. Каблуки с металлическими подковками и с медной оковкой. И посылали кристаллы друг друга туда, откуда пастух Макар давно вернулся, ничего там не найдя. Им бы в старшины. Или ротами командовать... Кажется, еще Розанов прикидывал: в таких + 1 самки или ± 0? Взгляните напротив, на этих шестнадцатилетних. Даже сидеть не умеют. А скоро и рожать разучатся... Так! Магнитофон... Ну конечно, трясун и скопец Леонтьев, а затем пойдет Пугачева, мармелад, переложенный кусками селедки с загарцем...»

«Я пойду, — вдруг засуетился Анатолий Петрович, — пора мне...»

Рамзес Иванович вздохнул. «Рад был познакомиться. Может быть, когда-нибудь и столкнемся на почте.»

«А душа у вас, — неожиданно выговорил Анатолий Петрович, — все-таки зеленая и дымчатая...»

«Как у кошек глаза или неспелые ягоды крыжовника,» — согласился Рамзес Иванович.

(не ранее 70 и не позже 80 годов)